

Уильям Шекспир

Король Лир

Перевод Юрия Лифшица

Уильям Шекспир
**Король Лир. Перевод
Юрия Лифшица**

«Издательские решения»

Шекспир У.

Король Лир. Перевод Юрия Лифшица / У. Шекспир —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832561-8

«Король Лир» — одна из вершин мирового поэтического и драматического искусства. Шекспир создал трагедию, которая без малого четыре века не оставляет равнодушным ни читателей, ни зрителей. В новом переводе переводчика и поэта Ю. Лифшица переданы все нюансы этого великого произведения: выпуклые характеры действующих лиц, бурная игра страстей и стихий, грустный юмор... В оформлении обложки использована картина шотландского живописца Вильяма Дайса (1806—1864) «Король Лир и шут во время бури».

ISBN 978-5-44-832561-8

© Шекспир У.
© Издательские решения

Содержание

Король Лир	6
Действующие лица	6
Акт первый. Сцена первая	7
Акт первый. Сцена вторая	15
Акт первый. Сцена третья	19
Акт первый. Сцена четвертая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Король Лир

Перевод Юрия Лифшица

Уильям Шекспир

Переводчик Юрий Лифшиц

© Уильям Шекспир, 2017

© Юрий Лифшиц, перевод, 2017

ISBN 978-5-4483-2561-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Король Лир

Действующие лица

ЛИР, король Британии.

КОРОЛЬ ФРАНЦУЗСКИЙ (ФРАНЦУЗ).

ГЕРЦОГ БУРГУНДСКИЙ (БУРГУНДЕЦ).

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ (КОРНОЛЛ).

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ (АЛЬБАНИ).

ГРАФ КЕНТ.

ГРАФ ГЛОСТЕР.

ЭДГАР, сын Глостера.

ЭДМУНД, побочный сын Глостера.

КУРАН, придворный.

СТАРИК, арендатор у Глостера.

ВРАЧ.

ШУТ.

ОСВАЛЬД, дворецкий Гонерильи.

ОФИЦЕР под командой у Эдмунда.

ПРИДВОРНЫЙ из свиты Корделии.

ГЛАШАТАЙ.

ГОНЕРИЛЬЯ, РЕГАНА, КОРДЕЛИЯ, дочери Лира.

РЫЦАРИ ИЗ СВИТЫ ЛИРА, ОФИЦЕРЫ, ГОНЦЫ, СОЛДАТЫ и ПРИБЛИЖЕННЫЕ.

Место действия – Британия.

Акт первый. Сцена первая

Дворец короля Лира. Приемный зал.

Входят КЕНТ, ГЛОСТЕР и ЭДМУНД.

КЕНТ. Разве король не оказывал предпочтение герцогу Альбанскому перед герцогом Корнуэльским?

ГЛОСТЕР. Да, но так нам казалось до разделения королевства. А когда оказалось, что их доли равны, и ни одна из них, как ни прикидывай, другую не перевесит, уже не скажешь, который из двух герцогов в чести у короля.

КЕНТ. Как этот юноша на вас похож.

ГЛОСТЕР. Его выдает порода, сэр, – ведь я лично позаботился об этом сходстве. Я давно уже не краснею, признаваясь в этом, – закалился.

КЕНТ. Я что-то не могу взять этого в толк.

ГЛОСТЕР. Зато его мать была женщиной толковой: в одночасье потолстела и, не побывав замужем, уже нянчилась с младенцем. Так и отдает грехом, не правда ли?

КЕНТ. Не стоит сожалеть о грехе, если он дает такие славные плоды.

ГЛОСТЕР. Он на год с лишним младше моего первенца, законность рождения которого не мешает мне любить и этого плута. Он явился на свет неожиданно-негаданно, никого не спросив, но мать у него была чудо как хороша. Я получил такое наслаждение, когда мастерил этого сукина сына, что мне теперь просто грех отказываться от отцовства. Тебе знаком этот благородный джентльмен, Эдмунд?

ЭДМУНД. Никак нет, милорд.

ГЛОСТЕР. Тогда заруби себе на носу: это достопочтенный граф Кент, мой самый лучший друг.

ЭДМУНД. Я слуга его светлости.

КЕНТ. Надеюсь, вы со временем заслужите мою любовь.

ЭДМУНД. А я надеюсь, милорд, оправдать ваши надежды.

ГЛОСТЕР. Граф Кент вернулся ненадолго из девятилетней отлучки... А вот и король.

Трубы. Вносят герцогскую корону.

Входят ЛИР, КОРНУОЛЛ, АЛЬБАНИ, ГОНЕРИЛЬЯ, РЕГАНА, КОРДЕЛИЯ и СВИТА.

ЛИР. Прошу вас, Глостер, к нам препроводить
Француза и Бургундца.

ГЛОСТЕР. Повинуюсь.

(ГЛОСТЕР и ЭДМУНД уходят.)

ЛИР. А мы прольем на мысли наши свет.
Подайте карту. Наше королевство
Мы делим на три. Нам давно пора
От груза дел избавить нашу старость,
Взвалить его на юных и здоровых
И без хлопот на кладбище ползти.
Но чтобы наши милые зятья,

Вы, Корнуолл и Альбани, в дальнейшем
Не перегрызлись, мы за дочерьми
Уделы их публично закрепим.
Решенья ждут и брачные посольства
Француза и Бургундца – претендентов
На руку нашей дочери меньшей.
Ну-с, дочки, вам теперь владеть страной
И править вместо нас, и та, кто лучше
Свою любовь к нам выразит словами,
К природным свойствам приобщит заслугу, —
Достойна будет щедрости двойной.
Начнем со старшей дочки Гонерильи.

ГОНЕРИЛЬЯ. Моя любовь богаче всяких слов.

Вы для меня весь мир, вы – жизнь моя,
Сокровище мое. За вас отдам я
Здоровье, зренье, счастье, совесть, честь.
Ни разу дочь отца так не любила,
Чтоб от любви к нему сводило горло
И прерывалась речь, как у меня.
Такой любви еще не видел свет.

КОРДЕЛИЯ (*в сторону*). Что на вопрос любимого отца
Корделия ответит? Промолчит.

ЛИР. От сих до сих – владения твои.

Отныне ты хозяйка тучных нив,
Густых дубрав, глубоководных рек
И заливных лугов, – навек твоих
И твоего от Альбани потомства.
А что супруга Корнуолла скажет,
Вторая дочь – дражайшая Регана?

РЕГАНА. Я и сестра – одной и той же пробы,

И стоим мы равно. В моей душе
Нашла она своей любви слова —
Но далеко не все, тогда как мне
Противна даже мысль о наслажденьях,
Присущих человеческой природе,
И к вашему величеству любовь
Одна счастливой делает меня.

КОРДЕЛИЯ (*в сторону*). Корделия, бедна ты на слова,
Зато богаче всех своей любовью.

ЛИР. Владеть тебе и отпрыскам твоим

Вот этой третью в нашем славном крае,
Не менее привольной и обильной,
Чем земли старшей. Ну, а ты, меньшая,
Последняя, но все ж не из последних,
Коль скоро служишь яблоком раздора
Меж вин французских и бургундских сливок.
Утеха наша, чем ты нас утетишь,
Чтоб лакомый кусочек заиметь?

КОРДЕЛИЯ. Ничем.

ЛИР. Ничем?

КОРДЕЛИЯ. Ничем.

ЛИР. Твое «ничем»

Ничем и будет. Выразись понятней.

КОРДЕЛИЯ. От сердца речи с языка нейдут.

Я, бедная, люблю вас, государь,

Как дочери положено, и только.

ЛИР. Корделия, ты что? Смени ответ,

Фортуны не дразни!

КОРДЕЛИЯ. Мой государь!

Я – ваша дочь, и вас должна любить,

Вас почитать и вам повиноваться.

Но если выйду замуж, не смогу

Я, как мои замужние сестрицы,

К вам одному с любовью относиться.

Моя рука, которую отдам я

Супругу моему, залогом будет,

Что я его намерена любить

И уважать не менее, чем вас.

ЛИР. И ты не лжешь?

КОРДЕЛИЯ. Нисколько, государь.

ЛИР. В столь юном существе неблагодарность?

КОРДЕЛИЯ. Всего лишь честность в юном существе.

ЛИР. Отныне честность – все твое богатство.

Священной силой солнечных лучей,

Полночными обрядами Гекаты,

Движеньем сфер, влияние которых

Дает нам жизнь и смертью нас дарит,

Клянусь, что забываю об отцовстве,

Ломаю узы крови и родства,

Тебя из сердца с корнем выдираю.

Скифийский варвар или троглодит,

Который с голодухи поедает

Своих детей, в душе моей вернее

Печаль и жалость вызовут, чем ты,

Моя навек отверженная дочь.

КЕНТ. Мой повелитель...

ЛИР. Кент, не продолжай!

Не задевай взбешенного дракона!

Мечтал я у нее, любимой дочки,

Свою понежить старость. Прочь, змея!

И пусть я буду корчиться в аду,

Не жди отцовского благословенья! —

Ну, где Француз? Оглохли? Где Бургундец? —

Вы, Корнуолл и Альбани, к уделам

Супруг и этот присовокупите.

Пусть честность, а на деле – просто вредность

Ей свахой будет. Вам, зятя, обоим

Дается власть с букетом привилегий,

Сопутствующих сану. Вы должны
По очереди месяц содержать
И нас и сотню рыцарей при нас
На полном пансионе. Сохраняем
Мы только титул наш и атрибуты.
А отправление власти, сбор налогов
И прочие права даются вам,
Любезные сыны, – клянусь короной!
Делите – вот она.

КЕНТ. Державный Лир!

Я чтил, как верноподданный, тебя;
Любил, как сын; служил тебе, как пес;
И, как язычник, на тебя молился...

ЛИР. Стрела на луке, под руку не лезь!

КЕНТ. Стреляй мне в грудь, но целься поточней.
Кент обнаглел, поскольку Лир взбесился.
Ты что творишь, старик? Ты полагаешь,
Что если вьется лезть перед престолом,
То струсит честь? Да здравствует правдивость,
Когда безумьем власть поражена!
Надень венец, немедля обезвредь
Свою скоропалительную дурость!
Убей меня – но я тебе скажу:
Корделии негромкая любовь
Куда сильнее, чем стрекотня сестер,
Усиленная пустотою сердца.

ЛИР. Кент, замолчи! Не то простишься с жизнью.

КЕНТ. Я за нее не трясаюсь никогда,
Но ею жертвовал неоднократно,
Когда с твоими недругами дрался.
И для тебя готов я...

ЛИР. Вон отсюда!

Чтоб я тебя не видел во дворце!

КЕНТ. А видеть, Лир, тебе не помешало б.

Но правда колет, видимо, глаза.

ЛИР. Пресветлый Феб...

КЕНТ. Пресветлый Феб услышит
Божбу твою напрасную, король.

ЛИР. Мерзавец! Еретик!

(Хватается за меч.)

КОРНОУОЛЛ и АЛЬБАНИ. Милорд, не нужно!

КЕНТ. Убей врача, а тяжелобольных,
Заразу разносящих, награди!
Страну не раздавай, не то я буду
Кричать до хрипоты, что ты – злодей.

ЛИР. Ах ты изменник! Ну, так слушай, раб,
Что скажет господин. За то, что ты

Нас подбивал на клятвopеступление, —
Чем запятнал нас, — и меж нашим словом
И нашим делом клин пытался вбить, —
Что нашему противно естеству, —
Ты на себе, зарвавшийся слуга,
Почуешь нашу силу. Если ты
В пять дней не подготовишься к изгнанию,
Чтоб на шестой и духу твоего
Здесь не было, и если на десятый
Найдут в округе твой ходячий труп,
То ты умрешь, Юпитером клянусь!
Проваливай! Пошады не проси!
КЕНТ. Прощай, король. Со мной моя сума.
В изгнании — свобода, здесь — тюрьма.

(КОРДЕЛИИ.)

Пусть небеса тебя благословят
За честность и нелицемерный взгляд.

(ГОНЕРИЛЬЕ и РЕГАНЕ.)

За речи ваши честь вам и хвала,

(АЛЬБАНИ и КОРНУОЛЛУ.)

Уходит Кент. Нигде и никогда
Себе он не изменит, господа.

(Уходит.)

Трубы. Возвращается ГЛОСТЕР с ФРАНЦУЗОМ, БУРГУНДЦЕМ и СВИТОЙ.

ГЛОСТЕР. Король и герцог здесь по вашей просьбе,
Мой добрый государь.

ЛИР. Король и герцог,
За нашу дочь вы сватаетесь оба,
Но вас я, герцог, первого спрошу:
Какие минимальные размеры
Приданого устроят вас, позволят
Ее руки и сердца добиваться?

БУРГУНДЕЦ. Державный государь, я бы просил
Не больше, чем вы сами обещали,
Но, если вам угодно, и не меньше.

ЛИР. Но это было раньше, милый герцог.
Она теперь не стоит и того.
Подшевели. Вот она, любуйтесь.
И если вам хоть чем-нибудь подходит
Ничтожество, упавшее в цене,
Снабженное немилостью отцовою,

То ваше, разумеется, оно.
БУРГУНДЕЦ. Я не совсем вас понял, государь.
ЛИР. Откажетесь вы или согласитесь
На нашей бывшей дочери жениться
С приданым в виде слабостей природных,
Проклятья, ненависти, нищеты?
БУРГУНДЕЦ. Прошу прощенья, добрый государь,
Я при таком раскладе не играю.
ЛИР. Вот и прекрасно. Титулом клянусь,
Ее богатство целиком при ней.

(ФРАНЦУЗУ.)

А если вам всучить ее, король,
То, значит, вовсе вас не уважать.
А эта дрянь, исчадие Природы,
Стыдящейся в глаза ей посмотреть,
Не стоит вас.
ФРАНЦУЗ. Уму непостижимо!
Бесценная, любимейшая дочь,
Которой нахвалиться не могли,
Бальзам для старческой души, и вдруг —
Такие преступления совершает,
Что разрушает в дорогом отце
Любовь к себе. Наверно, грех ее
Чудовищен и противоположен,
А то мне плохо верится, что вы
Отечески к ней прежде относились.
Мой разум в состоянье только чудом
Уверовать в такие чудеса.
КОРДЕЛИЯ. Молю вас, государь, за то, что я
Не научилась дифирамбы петь
И лить елей словесный не умею,
И клятвы больше дела не ценю,
Напраслину при всех не возводите:
Что, дескать, я кого-то отравила,
Себя нецеломудренно вела,
Хулила бога, и за это вы
Ко мне переменились. Вовсе нет.
Немилость заслужила я за то,
Что есть во мне хорошего, точнее —
За то, чего, по счастью, нет во мне:
Холуйских глаз и раболепных слов!
ЛИР. Ты лучше бы и вовсе не жила,
Чем жить без благосклонности моей.
ФРАНЦУЗ. И это все? Естественная скромность
И молчаливость подлинной любви,
Хранимой в сердце? Герцог, ваше мнение?
Что можете сказать об этой леди?

Любовь, которая замузнена
Исканьем выгод, – это не любовь.
Кто эту бесприданницу получит,
Богаче станет вдвое. Вы согласны
Взять в жены эту девушку?

БУРГУНДЕЦ. Король,
Отдайте мне назначенную треть
И я клянусь Корделию назвать
Бургундской герцогиней.

ЛИР. Не отдам.

Я клятвую поклялся нерушимой.

БУРГУНДЕЦ. Жаль, госпожа, но вы, отца утратив,
Теряете вдобавок жениха.

КОРДЕЛИЯ. Ну, что вы, герцог! Мне ничуть не жаль,
Что вы, любовь корыстью подменив,
Не нарекли супругою невесту.

ФРАНЦУЗ. Нет, бедная Корделия моя,
Не ты бедна, но я тобой богат.
Ты стала мне милее и дороже,
Хотя все отказались от тебя.
Любимая, обвитая хулою;
Избранница, подобранная мной
С набором совершенств. О боги, боги!
То, что презренья холодом объято,
Люблю я чисто, пламенно и свято.
Ты не дал ей приданого, король, —
Взять нас и нашу Францию позволь.
Не дам бургундской трезвости отраду —
Мою не награжденную награду.
Простись же, непощенная, с отцом,
И счастье мы в несчастье обретем.

ЛИР. Нет у нее отца. За ради бога
Ее бери, и скатертью дорога. —
Теперь без отчей ласки и любви,
И без благословения живи. —
Идемте, герцог.

(Трубы. ЛИР, БУРГУНДЕЦ, АЛЬБАНИ, КОРНУОЛЛ, ГЛОСТЕР и СВИТА уходят.)

ФРАНЦУЗ. С сестрами простись.

КОРДЕЛИЯ. Жемчужины отцовские, прощайте!
Глаза мои в слезах, но вижу я,
Что вы за птицы. То, что заслужили,
Не будь вы сестры, я бы вам сказала.
Ну, что ж, ухаживайте за отцом,
Хотя надежды мало на притворщиц.
Со мною обошелся он сурово.
Теперь, боюсь, останется без крова.
Прощайте, сестры.

РЕГАНА. Знаем без тебя,
Как угодить отцу.

ГОНЕРИЛЬЯ. Подумай лучше,
Что от тебя потребует супруг,
Которому подкидывшем судьбы
Досталась ты. В тебе нет чувства долга —
Поплатишься, и ждать уже недолго.

КОРДЕЛИЯ. Срывает время с черных дел покров,
Разя стыдом и смехом подлецов.

Как бы хотела я в вас ошибиться!

ФРАНЦУЗ. Прекрасная Корделия, идем.

(ФРАНЦУЗ и КОРДЕЛИЯ уходят.)

ГОНЕРИЛЬЯ. Сестра, не уходи, надо обсудить очень важный для нас обоих вопрос. Насколько я поняла, отец нынче же намерен отправиться ко мне.

РЕГАНА. Да, а спустя месяц, – ко мне.

ГОНЕРИЛЬЯ. До чего он дошел на старости лет! А уж о сегодняшней выходке я просто не знаю, что и думать. Из-за какой-то ерунды прогнать любимую дочь. Это чересчур.

РЕГАНА. Старческое слабоумие, больше ничего. Впрочем, благоразумием он никогда не отличался.

ГОНЕРИЛЬЯ. Он буйствовал в самом расцвете сил и здоровья. А теперь только умножит свое врожденное самодурство бесконтрольными припадками неудовольствия. То ли это у него по немощи, то ли от разлития желчи, но нам-то от этого не легче.

РЕГАНА. При его легковозбудимости мы тоже в одночасье разделим участь Кента.

ГОНЕРИЛЬЯ. А эта его, с позволения сказать, церемония прощания с французским королем. Хочешь не хочешь, нам с тобой придется объединить усилия. Если отец не позволит взять в руки бразды правления, то жестокая эта будет шутка – так называемый отказ от власти.

РЕГАНА. Да, подумать есть над чем.

ГОНЕРИЛЬЯ. Думать будем потом, а теперь надо что-то делать по горячим следам.

(Уходят.)

Акт первый. Сцена вторая

Комната в замке Глостера.

Входит ЭДМУНД с письмом в руке.

ЭДМУНД. Тебе, Природа, твоему закону
Подсуден я. Моя богиня – ты.
Неужто я традиции прогнившей
И дикости всеобщей покорюсь?
Позволю обделить себя за то,
Что я внебрачный и моложе брата?
Внебрачный? Забракован, значит? С браком?
Но я ведь ладно скроен, крепко шит,
А силой духа тем не уступаю,
Кто честною утробой рожден.
За что бракуют нас? За что нас метят
Внебрачности тавром? За то, что некто
Потребность втайне удовлетворяет,
Выплескиваясь с пылкостью, которой
Хватило б на династию хлыщей,
Заделанных ни въяве, ни во сне
Из чувства опостылевшего долга?
Но если мы – законный с незаконным —
Отцом любимы, – я, лишенный прав,
Имею право на твои, законный.
Чудно звучит: «Законный»! Если мне
С письмом, законный братец, повезет,
Тогда в законе будет незаконность.
Я вверх тянусь, я силой наливаюсь.
О небо, незаконных вознеси!

Входит ГЛОСТЕР.

ГЛОСТЕР. Родную дочь ославил! Выгнал Кента!
Француза оскорбил! Уехал в ночь!
Раздал страну! Корону подарил!
Ну, и характер, право! – Здравствуй, Эдмунд.
Что у тебя?

ЭДМУНД. Да вроде ничего,
Коль будет вашей светлости угодно.

(Прячет письмо.)

ГЛОСТЕР. Напрасно ты прячешь эту бумагу – я все вижу. Что там такое?

ЭДМУНД. Вроде ничего особенного не произошло.

ГЛОСТЕР. А письмо зачем спрятал?

ЭДМУНД. Какое письмо?

ГЛОСТЕР. Какое? То самое, которое очутилось в твоём кармане. Да так проворно. Не письмо незачем было и прятать. Позволь взглянуть. Если там нет «ничего особенного», я это увижу и без очков.

ЭДМУНД. Прошу вас, будьте снисходительны, отец. Это письмо брата. Я не успел его дочитать, но если бы знал заранее, что в нём, то и сам бы не стал читать и вам бы не дал.

ГЛОСТЕР. Попробуй не дать. Я жду.

ЭДМУНД. И дать письмо – и грех, и утаить от вас – грех. Как ни мало я прочел, но все-таки успел понять, насколько оно возмутительно.

ГЛОСТЕР. Ладно, ладно, посмотрим.

ЭДМУНД. Спасая доброе имя брата, я готов предположить, что этим письмом он хотел выведать, низок я или нет.

ГЛОСТЕР (*читает*). «К сожалению, мир устроен так, что мы убиваем нашу безденежную молодость постоянным заискиванием перед стариками. А когда Фортуна наконец улыбнется нам, мы уже сами будем кряхтеть да охать и не сможем насладиться ее дарами. Одно из двух: мы либо ленивы, либо рождены рабами, ибо старики тиранят нас в той степени, в какой мы им это позволяем. Приходи, поговорим об этом подробнее. Ах, если бы мне удалось усыпить нашего отца и не будить его до тех пор, пока ты не получишь ровно половину его состояния и пожизненную любовь твоего брата Эдгара». Ого! Тайный стговор! «...усыпить нашего отца... не будить его... половину состояния». И рука Эдгара осмелилась написать такое! Мой сын вынашивает такие планы! Когда ты получил письмо? Кто его доставил?

ЭДМУНД. Никто, милорд. Мне его исхитрились подбросить через окно.

ГЛОСТЕР. По-твоему, это писал Эдгар?

ЭДМУНД. Я бы присягнул в этом, не будь письмо таким мерзким. Возможно, это фальшивка.

ГЛОСТЕР. Но почерк-то его.

ЭДМУНД. Допустим, сэр, но, полагаю, брат писал письмо не от души.

ГЛОСТЕР. А прежде он тебе ничего такого не предлагал?

ЭДМУНД. Ни разу, милорд. Зато он не раз доказывал мне, что взрослым сыновьям следует брать в опеку немощных отцов и хозяйничать самим.

ГЛОСТЕР. Ах он подлец, подлец! Ведь и письмо о том же. Мерзкий негодяй! Гнусный изверг! Подлая тварь! Гадина! Хуже гадины! Беги за ним, сынок. Волоки сюда этого выродка. Что же ты стоишь?

ЭДМУНД. Во-первых, милорд, я не знаю, где он, а во-вторых... Я бы посоветовал вам поступить иначе. Пока вы не располагаете уликами, подтверждающими виновность брата, не давайте воли гневу. Ведь вы можете заблуждаться относительно намерений Эдгара, не так ли? В таком случае вы, учинив над ним насилие, причините урон собственной чести и выбьете из брата остатки уважения к вам. Клянусь жизнью, у Эдгара не было в мыслях ничего дурного. Он, видимо, просто хотел проверить, люблю я вас или нет.

ГЛОСТЕР. Ты, правда, так считаешь?

ЭДМУНД. Вы сами в этом убедитесь, если соблаговолите спрятаться там, где я вам укажу и откуда вы своими ушами услышите нашу с ним беседу. Прошу вас только потерпеть до вечера.

ГЛОСТЕР. Не изверг же он, в самом-то деле!

ЭДМУНД. Я в этом не сомневаюсь.

ГЛОСТЕР. Я же ему как-никак отец. Я же в нём души не чаял. Небо и земля! Эдмунд, иди к нему, вызнай у него всю подноготную, прошу тебя. Только действуй с умом. Я готов отказаться от всего, лишь бы поскорей все узнать.

ЭДМУНД. Я немедленно пойду к нему, поговорю с ним по-своему и сразу вернусь к вам.

ГЛОСТЕР. Нет, от этих затмений ничего хорошего ждать не приходится. Мало нам лунного – на тебе солнечное! Как ни мудри здесь ученые мужи, но результаты небесной кары налицо. От любви веет холодом, дружба рушится, братья ссорятся. Горожане грызутся, крестьяне бунтуют, придворные продаются на сторону, узы кровного родства рвутся. Сам посуди: здесь сын против отца – мой собственный подлец; там отец против дочери – король идет наперекор природным чувствам. Раньше такого не было. Так и проведешь остаток дней среди подлогов, лжи и вероломства, в этой безумной неразберихе. Сорви личину с негодяя, Эдмунд. В накладе не останешься. Но будь осторожен... Плюс ко всему изгнание благородного и чистосердечного Кента. А в чем его вина? В том, что правду сказал? Не понимаю.

(Уходит.)

ЭДМУНД. Какая же во всем это несусветная глупость! Когда мы получаем от судьбы горькую пилюлю, то виним во всех своих грехах солнце, луну и звезды. А когда нас от самих себя тошнит, мы делаем вид, что от нас ничего не зависит. Дескать, глупость и подлость внушены нам небесами; хитрость, бесчестие и коварство разъедают нас благодаря определенному расположению планет, а пьянством, воровством и развратом мы обязаны излучению светил – словно во всех наших естественных грехах замешаны сверхъестественные силы. Восхитительную лазейку оставляет себе человеческая низость – свою злокозленность списывать на ту или иную звезду! Отец совокупно с матерью зачал меня под хвостом Дракона, родился я под брюхом Большой Медведицы, из чего, дескать, вытекает, что я должен быть наглым и порочным. Бред! Я был бы не лучше и не хуже, чем есть, даже если бы созвездие невинной Девы стыдливо наблюдало с небосклона за моими незаконными родителями. А Эдгар...

(Входит ЭДГАР.)

Он появился в самое время – ни дать ни взять бог из машины в старинных пьесах. Притворюсь-ка я идиотом из Бедлама, унылым и блаженным до омерзения. – О, нам сулят беду события эти. Тра-ля-ля-ля, тра-ля-ля-ля, тра-ля.

ЭДГАР. Здравствуй, Эдмунд. О чем задумался? О чем-нибудь серьезном?

ЭДМУНД. Понимаешь, Эдгар, несколько дней назад я прочел пророчества относительно недавних затмений, и это не выходит у меня из головы.

ЭДГАР. Была охота ломать голову!

ЭДМУНД. Хочешь верь, хочешь нет, но предсказания начинают, к несчастью, сбываться, как по писаному. Между родственниками вспыхивает кровная вражда, усиливается нищета и взаимоистребление, рвутся исконные добрососедские отношения. Зреет государственный переворот, король и знать живут как на пороховой бочке, все и вся ставится под сомнение, верноподданные изгоняются, войска разлагаются, свадьбы расстраиваются, и это еще не все.

ЭДГАР. С каких пор ты ударился в астрологию?

ЭДМУНД. Неважно. А вот когда ты в последний раз говорил с отцом?

ЭДГАР. Вчера вечером.

ЭДМУНД. Как долго?

ЭДГАР. Часа два. А что?

ЭДМУНД. Беседа ваша окончилась мирно? Не был отец чем-нибудь расстроен? Может, он хмурился или бранился?

ЭДГАР. Не было ничего подобного.

ЭДМУНД. За что же он тогда на тебя взелся? Подумай об этом и, умоляю, сторонись его до поры до времени, дай ему остыть. Он сейчас доведен до белого каления и в состоянии изувечить двадцать таких, как ты.

ЭДГАР. Видимо, какой-то подлец возвел на меня поклеп.

ЭДМУНД. Боюсь, что ты прав. Запасись терпением, пока отец не отбушует. А самое лучшее – запришь в моей комнате и ты сможешь, не выходя из нее, услышать, как он кипятится – такую возможность я тебе предоставлю. Пожалуйста, не возражай, возьми ключ и иди. Захочешь выйти – бери оружие.

ЭДГАР. Оружие? Ты что, брат?

ЭДМУНД. Брат, слушайся меня, я тебе дурного не присоветую. Накажи меня бог, если я лгу и тебе не грозит опасность. То, что я видел и слышал, не идет ни в какое сравнение с моим беглым рассказом; я лишь в общих чертах обрисовал тебе ужас твоего положения. Прячься, пока не поздно, прошу тебя.

ЭДГАР. Но ты зайдешь рассказать мне обо всем?

ЭДМУНД. Я буду держать тебя в курсе событий.

(ЭДГАР *уходит.*)

Отец мне верит. Брат мой благородный
Не рыл другому яму никогда
И не поймет, как вырыли ему.
Дурить несложно честных дураков.
Безроден я, но, действуя с умом,
Назло безродью буду с барышом.

(*Уходит.*)

Акт первый. Сцена третья

Покои во дворце герцога Альбанского.

Входят ГОНЕРИЛЬЯ и ОСВАЛЬД.

ГОНЕРИЛЬЯ. Отец избил вассала моего

За то, что тот шута окоротил?

ОСВАЛЬД. Увы, миледи.

ГОНЕРИЛЬЯ. Часу не проходит,

Чтоб он мне чем-нибудь не досадил.

И днем и ночью дикие проказы,

Все кверху дном, и кругом голова.

На рыцарей его не угодишь,

Но им перечить – боже сохрани!

Я видеть эту свору не желаю.

Приедет он с охоты, передай,

Что я больна. Пред ним не лебези.

А если что, ссылайся на меня.

ОСВАЛЬД. Трубят рога. Вот, кажется, и он.

ГОНЕРИЛЬЯ. Забудь о расторопности былой

И всем лакеям это накажи.

А не по вкусу будет обхождение, —

Тогда пусть отправляется к сестре.

Но он и там не будет верховодить.

Власть подарил, а корчит властелина.

Но полно старикану потакать.

Седой дурак – что малое дитя.

И дать острастку нужно не шутя.

Все понял ты?

ОСВАЛЬД. Как не понять, миледи.

ГОНЕРИЛЬЯ. И рыцарей прохладно принимать.

Пусть рвут и мечут. Слугам объясни,

Что повод я ищу для ссоры с ним.

Сестра меня поддержит – только надо

Ей написать. Теперь – давай обедать.

(Уходят.)

Акт первый. Сцена четвертая

Зал в том же дворце.

Входит переодетый КЕНТ.

КЕНТ. Подделать бы манеру изъясняться,
Как внешность удалось переменить,
И цель моя близка, из-за которой
Себя забыл я. Ну, злосчастный Кент,
Хоть из любви к хозяину вернись
Туда, где отказались от тебя,
Но без тебя никак не обойдутся.

За сценой звучат рога.

Входят ЛИР, РЫЦАРИ и СЛУГИ.

ЛИР. Чтобы сию секунду подавали обедать. Никаких проволочек.

(СЛУГА уходит.)

(КЕНТУ.) Кто таков? Какого роду-племени?

КЕНТ. Человеческого, сэра.

ЛИР. Чем промышляешь? К нам зачем пожаловал?

КЕНТ. Промысел мой – быть не хуже, чем я есть; поддерживать того, кто захочет на меня опереться; дорожить тем, кто дорожит собственной честью; слушать того, кто умней меня и меньше моего болтает; бояться Страшного суда, драться, когда припрет; и не есть рыбы по-иезуитски.

ЛИР. Но кто ты такой, ты все-таки не сказал.

КЕНТ. Я – малый хоть куда, честный и простой, к тому же бедный, как король.

ЛИР. Если ты так же беден для своего сословия, как твой король – для своего, ты и впрямь бедный человек. Чего ты домогаешься?

КЕНТ. Службы.

ЛИР. Кого ты прочишь себе в господина?

КЕНТ. Вас.

ЛИР. Откуда ты меня знаешь?

КЕНТ. Я вас не знаю. Но ваши глаза приказывают мне искать службы именно у вас.

ЛИР. Каким образом?

КЕНТ. Повелительным взглядом, присущим их господину.

ЛИР. На что ты годен?

КЕНТ. Если вы поручите мне сохранить тайну, куда-нибудь сбегать или съездить верхом, перевернуть замысловатое поручение или толково изложить незамысловатое сообщение, на все это я могу согнуться, как и любой ваш человек, только я это сделаю лучше.

ЛИР. Сколько тебе лет?

КЕНТ. Не так мало, чтобы увлечься женщиной сладкоголосой, но и не так много, чтобы сохнуть по ней беспричинно. У меня за плечами сорок восемь лет.

ЛИР. Подходяще. Послужи мне малость. Если и после обеда я буду тобой доволен, останешься при мне. Эй, кто-нибудь! Велите подавать обед! А где мой дурак? Где шут, я вас спрашиваю? Эй, как тебя, сбегай за моим шутом.

(ДРУГОЙ СЛУГА *уходит.*)

Входит ОСВАЛЬД.

Послушай, приятель, почему я не вижу своей дочери?

ОСВАЛЬД. Если вы позволите... (*Уходит.*)

ЛИР. Он что, очумел? Ну-ка приволоки сюда этого губошлепа!

(РЫЦАРЬ *уходит.*)

Куда запропастился шут? Ого-го-го! Что я, в сонное царство попал?

РЫЦАРЬ *возвращается.*

Что это значит? Где этот собачий выкормыш?

РЫЦАРЬ. По его словам, ваша дочь плохо себя чувствует, милорд.

ЛИР. Почему он пренебрег моим приказом вернуться?

РЫЦАРЬ. Он в самой резкой форме, сэр, отказался вам повиноваться.

ЛИР. Отказался?

РЫЦАРЬ. Простите, милорд, может, я вмешиваюсь не в свое дело, но, судя по всему, с вами, ваше величество, перестали обходиться подобающим образом. Совершенно очевидна убыль гостеприимства со стороны самого герцога, вашей дочери и дворцовых слуг.

ЛИР. Так-таки очевидна?

РЫЦАРЬ. Умоляю вас, милорд, не гневаться на меня за мое, может быть, ошибочное мнение, но для преданного слуги невыносимо видеть, как оскорбляют его господина.

ЛИР. Нет, ты мне открыл глаза на то, в чем сам я не до конца отдавал себе отчета. Я тоже начал смутно ощущать нечто вроде небрежности, но решил, что, скорей всего, я чересчур придирчив, нежели они умышленно дерзки. Посмотрим, что будет дальше. Но где же шут? Я уже два дня не могу его дозваться.

РЫЦАРЬ. Он определенно тоскует по молодой госпоже, уехавшей во Францию.

ЛИР. Молчи. Знаю без тебя. Кто-нибудь, в конце концов, соизволит передать моей дочери, что у меня есть к ней разговор?

(ТРЕТИЙ СЛУГА *уходит.*)

Возвращается ОСВАЛЬД.

Ага, хоть этот явился. Подойдите поближе, сударь, вот сюда, сэр, и скажите мне, милорд, кто я по-вашему такой?

ОСВАЛЬД. Хозяйке моей отец, по-моему.

ЛИР. Хозяйке твоей отец? Ах ты хозяину своему прихвостень! Сучий выродок! Холуйские глаза! Хамово отродье!

ОСВАЛЬД. Прошу прощения, милорд, но я не достоин таких высоких титулов.

ЛИР. Ты еще и в переглядышки вздумал со мной играть? Мерзавец! (*Бьет его.*)

ОСВАЛЬД. Я не дам бить себя, милорд.

КЕНТ. А как насчет подножки, заигравшаяся дрянь? (*Подножкой сбивает его с ног.*)

ЛИР. Благодарю за службу, дружок. Ты мне начинаешь нравиться.

КЕНТ. Эй ты, чего разлегся? Катись отсюда! Будешь знать, с кем говоришь. Пшел вон! Чего стал, орясина? Снова хочешь стать землемерным инструментом? Нет? Тогда пошел вон. Живо! Э, да пока до тебя дойдет... (*Выталкивает ОСВАЛЬДА.*) Так-то лучше будет.

ЛИР. Ну, друг любезный, – что услужил, то услужил. Спасибо. За мной не пропадет. Возьми-ка. (*Дает ему денег.*)

Входит ШУТ.

ШУТ. Лучше наймись ко мне: колпак заработаешь. (*Подает Кенту свой колпак.*)

ЛИР. А, это ты, плут! Где пропадал?

ШУТ. Я тебе дело говорю, приятель, бери колпак-то.

КЕНТ. Какого черта, шут?

ШУТ. А какого шута ты набиваешься в друзья к тому, кто нынче не в чести? Если не чуешь, откуда ветер дует, в два счета простудишься. Мой колпак тебе явно к лицу. Посмотри на этого бедолагу: двух своих дочек он проклял с отчаяния, а третью – благословил невзначай. Без колпака тебе при нем туго придется. Если бы я имел двух дочерей, мне бы понадобилось целых два колпака.

ЛИР. Почему, дружок?

ШУТ. Я бы отдал им все нажитое и остался бы колпак колпаком. Один ты можешь одолжить у меня, другой – у дочек.

ЛИР. Осторожней, болван! Плеткой огрею!

ШУТ. Правда – псина беспородная: все на дворе да в конуре, а для сугрева – плетка. Зато лесь – сука густопсовая: греется у камина и такое от нее идет благо, я бы сказал, воние.

ЛИР. Твои шутки дурно пахнут, шут.

ШУТ. Хочешь, старичок, выучить умный стишок?

ЛИР. Безумно.

ШУТ. Тогда запоминай, дяденька:

Не болтай пустяков,
Дом запри от воров,
Не наделай долгов,
Не топчи башмаков,
Заведи скакунов,
Обходи игроков,
Вечно пьяных дружков
И район бардаков, —
И потраченный грош
Двадцать раз обернешь.

КЕНТ. Ничем ты нас не удивил, шут.

ШУТ. Заплати мне, и я на манер продажного адвоката такое тебе скажу – то-то удивишься. Тогда то, что было ничем, чем-нибудь да станет. Как по-твоему, дяденька, так бывает?

ЛИР. Нет, дурачок, то, что было ничем, ничем и останется.

ШУТ (КЕНТУ). Объясни ему, пожалуйста, чем он стал без своих владений. Шута он к шутам пошлет.

ЛИР. Ты, однако, злой шут.

ШУТ. А тебе доброго подавай. Хочешь я тебе растолкую, чем злой шут отличается от доброго?

ЛИР. Хочу, малыш. Поучи меня, поучи.

ШУТ (*Поет*). Тот умник, с чьей подачи
Всю землю роздал ты,
Глупей шута, иначе
Не лез бы он в шуты.
Злой шут сидит у трона,
На злом – колпак венцом,
А добрый, сняв корону,
Не венчан колпаком.

ЛИР. Уж не меня ли ты шутом называешь, малыш?

ШУТ. Этот твой титул врожденный, ты его никому не всучишь, как прочие, даже если захочешь.

КЕНТ. Он не конченный глупец, милорд.

ШУТ. Я не стану им, даже если возьму на откуп всю глупость: знатные господа непременно войдут в долю, а дамы – оттягают свою. А теперь, дяденька, если ты мне дашь яичко, я тебе свой коронный номер покажу.

ЛИР. Какой еще коронный номер?

ШУТ. А такой. Проткну яичко иголкой, белок-желток высосу, скорлупу расколую пополам, и выйдут из осколков две короны. У тебя была одна корона, ты ее расколел пополам и роздал осколки. То есть ты позволил ослу оседлать себя и пошлепал по грязи с ним на загорбке. Должно быть, не много ума было под твоей венчанной золотом лысиной, если ты ее собственноручно развенчал. Пусть кто-нибудь скажет, что мои слова – шутовство, кнутом того отодрать. (*Поет*.)

Теснят шутов и дураков,
Куска лишая в драке,
Тьмы одуревших мудрецов,
Премудрых, как макаки.

ЛИР. С каких пор у тебя прорезался голос, дружок?

ШУТ. С тех самых, как по твоему приказу дочки стали играть с тобой в матери. Едва ты вручил им по розге и приспустил с себя штанишки... (*Поет*.)

Они от счастья лить слезу,
А я запел с кручины,
Что зад подставил под лозу
Державный дурачина.

Вот бы мне выучиться лгать. Найди мне, дяденька, учителя вранья.

ЛИР. Выучишься врать – хлыста отведаешь.

ШУТ. До чего же ты на дочек своих непохож! Они мне показывают хлыст, когда я говорю правду, ты мне его тычешь в нос, когда я собираюсь солгать, а порой меня хлыщут, когда я пытаюсь отмолчаться. Нет, быть шутом – нешуточное дело. Но даже шуточки ради не влез бы я в твою шкуру, бездельник. Ты изрезал свой ум в лоскуты, и остался лоскутным королем. Кстати, вот идет один из твоих лоскутков.

Входит ГОНЕРИЛЬЯ.

ЛИР. Что с тобой, дочка? Ты так пасмурно глядишь. С некоторых пор ты вечно не в духе.

ШУТ. Ты был мужчина что надо, когда плевал на то, в духе она или нет. А теперь ты нуль без палочки, и ценишься ниже меня. Как ни мала цена шутов, ты и вовсе за бесценок идешь. (ГОНЕРИЛЬЕ.) Умолкаю, ваше сиятельство. Ваше безмолвие весьма красноречиво велит мне заткнуться. (*Указывая на ЛИРА.*)

У него под старость лет
Нет горбушки на обед.
Ни горошинки в стручке.
Молчу, молчу, молчу.

ГОНЕРИЛЬЯ. Добро б еще дурак ваш своевольный,
Так нет, все ваши присные дерзят,
Бесчинствуют и время коротают
В немислимых и гнусных кутежах.
Я вас просила свиту обуздать,
Но зря старалась. Хоть и слишком поздно,
Но, к вам прислушавшись и присмотревшись,
Я поняла, что, к моему стыду,
Вы чуть ли не зачинщик этих оргий.
Иначе грех без кары не остался б.
Уж мы бы позаботились о том
Во имя блага и здоровья края.
И как бы вы потом ни обижались,
Мы без стеснения сделали бы все,
Что требуют оглядчивость и мудрость.

ШУТ. Так-то вот, дяденька.
Кукушек воробей вскормил
На голову свою:
Разбили те, набравшись сил,
Макушку воробью.
Задув свечу, во мраке мы сидим.

ЛИР. И это наша дочь?

ГОНЕРИЛЬЯ. Я полагаю,
Что достучусь до вашего рассудка,
Которым вы богаты и который
Избавит вас от нынешних причуд,
Несовместимых с вашим положеньем.

ШУТ. Ослу понятно: яйца учат курицу. Заслушаться можно, честное слово.

ЛИР. Скажите мне, куда девался Лир?
Ведь я не Лир. Не тот у Лира взгляд
И речь не та. Быть может, он уснул?
А с ним – его сознание и чувства?
А если он не спит, кто я такой?

ШУТ. Ты – призрак Лира.

ЛИР. Кто я, в самом деле?

Мой разум, опыт, знаки высшей власти

Меня морочат, видимо, внушая,

Что я – отец, а это – дочь моя?

ШУТ. Которая шпыняет, как мальчика,

Такого непослушного отца.

ЛИР. Как ваше имя, дивное создание?

ГОНЕРИЛЬЯ. Фиглярство это, сэр, как раз подходит

К безумствам вашим, вновь приобретенным.

Поймите же, прошу, что неприлично

Вам, старику почтенному, блажить.

Где вы набрали рыцарей своих?

Сто наглецов, развратников и пьяниц,

Объевшихся беспутством эпикуров,

Двор герцога в заезжий превратили,

А замок, где король гостит, – в бордель.

Надеюсь, ваша совесть вас принудит

Унять разгул. Еще я вас прошу,

Прошу, хоть обошлась бы и без просьбы,

Уменьшить вашу челядь, разогнать

Всех, кто забыл о правилах приличья,

Кого к себе и близко подпускать

Не должно в ваши годы.

ЛИР. Дьявол! Бес!

Чтоб ты пропала! Рыцари, по коням!

И без тебя, ублюдок из ублюдков,

Я проживу! Я не без дочерей!

ГОНЕРИЛЬЯ. Людей вы бьете. Слугам и служанкам

Проходу ваша сволочь не дает!

Входит АЛЬБАНИ.

ЛИР. О горе мне! Раскаялся – да поздно!

По коням! – А, пришли? Вы с ней стакнулись?

Что? Жду ответа? – О неблагодарность!

Ты – дьяволица с каменной душой!

Когда ты в сердце собственных детей,

Ты гаже гад морских.

АЛЬБАНИ. Что с вами, сэр?

ЛИР (ГОНЕРИЛЬЕ). Но ты клеветешь, коршунье отродье!

В моем отряде – лучшие из лучших.

Они и долг свой честно исполняют,

Хранят и репутацию свою.

И надо же мне было превратить

Корделии проступок в смертный грех!

Он, как таран, разбил мою любовь

И естество мое разворотил,

Которое теперь гноится желчью.

О Лир, несчастный Лир, безумный Лир!

Ломись теперь в тот дом, откуда глупость
Изгнала ум! (*Бьет себя по голове.*)
Седлать коней, друзья!

(КЕНТ и РЫЦАРИ *уходят.*)

АЛЬБАНИ. Милорд, в чем дело? Я не понимаю.
ЛИР. Допустим, сэра. – Услышь меня, Природа!
Услышь, богиня! Откажись от мысли
Гадюке этой материнство дать.
Наполни ей бесплодием утробу
Иль детородных органов лиши,
Чтоб не могло ущербное нутро
Зачатьем эту тварь благословить.
А если все же понесет она,
Пусть в тяжких муках изверга родит,
Чтоб, от него чудовищные пытки
Приняв, она состарилась до срока;
Чтоб выплакала в юности глаза;
Чтоб за ее любовь, за недосып,
Он ей плевал в лицо. Она тогда бы
Узнала, что детей неблагодарность
Мучительнее, чем укусы змей.
Скорей в дорогу!

(*Уходит.*)

АЛЬБАНИ. Что произошло?
Скажи мне, заклинаю небесами!
ГОНЕРИЛЬЯ. Не беспокойся из-за пустяков.
Все это старческое слабоумье.
Что делать – возраст.

ЛИР *возвращается.*

ЛИР. Где еще полсвиты?
Я к вам приехал с сотнею людей.
АЛЬБАНИ. Да объясните наконец...
ЛИР. Сейчас.

(ГОНЕРИЛЬЕ.)

О жизнь и смерть! Мне совестно, что ты
Мужскую суть мою поколебала;
Что я себя позволил оскорбить;
Что плакал я. Чума тебя возьми!
Пусть разобьет тебя параличом
Отцовское проклятие мое!
Вот глупые глаза, вы снова плакать?

Вас надо вырвать, вырвать из глазниц
И бросить вместе с вашими слезами
В сухую глину. До чего я дожил!
Постой же. У меня еще есть дочь.
И эта дочь отца не даст в обиду.
Я все скажу ей. От ее ногтей
Ты морду не спасешь свою, волчица.
По-твоему, величие былое
Вернуть себе я не смогу? Увидишь.

(Уходит.)

ГОНЕРИЛЬЯ. Теперь ты понял?
АЛЬБАНИ. Знаешь, Гонерилья,
Лишь потому, что я тебя люблю,
Я не вмешался.
ГОНЕРИЛЬЯ. Полно о любви.

(ШУТУ.)

А ты, полу-мерзавец, полу-шут,
Беги за господином. – Где же Освальд?

ШУТ. Дяденька Лир. Эй, дяденька Лир! Подожди, не уходи без шута.

Лисице-плутовке
И дочке-чертовке —
На шейку удавку,
За хвост и – в канавку.
Но нету веревки
И нету сноровки.

(Уходит.)

ГОНЕРИЛЬЯ. Сто рыцарей! Хорошенькое дело.
Старик умен, да не на ту напал.
Сто рыцарей, точней – сорвиголов,
Ему послушных и на все готовых.
А если что почудится ему,
Взбредет на ум, послышится, приснится,
То мы трясись от страха? – Где же Освальд?
АЛЬБАНИ. Невелика опасность. Мне не страшно.
ГОНЕРИЛЬЯ. Страшней самой опасности беспечность.
Не в страхе зло, – в нечаянной беде.
Отца насквозь я вижу и сестре
Пишу письмо о замыслах его.
И если мы во мненьях разойдемся
Об этой сотне...

Входит ОСВАЛЬД.

Освальд, наконец-то!
Письмо к сестре готово?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.